

Дискуссионная статья

УДК 159.99

Токсичные образы современной массовой культуры: семья и школа в агрессивной информационной среде

**Константин Львович Лидин¹, Светлана Васильевна Головня²,
Ольга Альфонсасовна Белобрыкина³**

¹Журнал «Проект Байкал», Минск, Республика Беларусь

²Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Брест, Республика Беларусь

³Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия

Аннотация. Феномен массовой культуры рассмотрен с точки зрения эмоционально-образного подхода. Показано, что в работах исследователей массовой культуры еще с 20-х гг. прошлого века присутствовала идея о коммерческом, рыночном характере этого феномена, противоположного идеям гуманизма и социальной устойчивости. В результате общей установки массовой культуры на коммерческий успех, ее образы неизбежно становятся все более примитивными и используют наиболее общие и простые эмоциональные состояния – в первую очередь эмоции групп страх и гнев. Во второй половине XX в. глобализация привела к всемирному распространению массовой культуры с центром в США и Западной Европе. В настоящее время эмоционально-образное наполнение массовой культуры разрушительными (токсичными) эмоциями стимулирует такие проявления страха и гнева, как наркомания, буллинг и шутинг. Особую опасность представляет трансляция токсичных образов через детские игрушки. Примитивный и несимметричный характер эмоционального спектра, который транслирует массовая культура посредством игрушек, препятствует развитию эмоционального интеллекта именно в том возрасте, когда это является важнейшей задачей (первое семилетие жизни ребенка). Опрос родителей в г. Новосибирске (Россия) и Бресте (Белоруссия) показал, что большинство родителей не осознает важности эмоционально-образного наполнения игрушек и не обращает должного внимания на эмоции, которые несут игрушки. Родители пребывают в уверенности, что важнейшей задачей игрушек является развитие логического мышления, а также физическое (телесное) развитие ребенка, даже в ущерб развитию эмоциональной сферы. Также родители не обращают внимания на происхождение образов, лежащих в основе дизайна игрушек, в результате чего игрушки зачастую несут агрессивные и пугающие образы, характерные для продукции западных киностудий и компьютерных игр. Сделан вывод о том, что для противодействия токсичному влиянию массовой культуры нужны соединенные усилия исследователей, экспертов и законодателей.

Ключевые слова: психология; социальная психология; эмоции; эмоциональный интеллект; массовая культура; токсичные образы; опиоидный кризис; буллинг; игрушки; эмоционально-образная экспертиза.

Для цитирования: Лидин К. Л., Головня С. В., Белобрыкина О. А. Токсичные образы современной массовой культуры: семья и школа в агрессивной информационной среде // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 4. – С. 75–86.

Original article

Toxic images of modern mass culture: family and school in an aggressive information environment

Konstantin L. Lidin¹, Svetlana V. Golovnya², Olga A. Belobrykina³

¹Journal "Project Baikal", Minsk, Republic of Belarus

²Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Republic of Belarus

³Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The phenomenon of mass culture is considered from the point of view of emotional and figurative approach. It is shown that in the works of mass culture researchers since the twenties of the last century the idea of commercial, market character of this phenomenon, opposite to the ideas of humanism and social sustainability, has been present. As a result of the general attitude of mass culture to commercial success, its images inevitably become more and more primitive and use the most common and simple emotional states – primarily the emotions of the groups fear and anger. In the second half of the twentieth century, globalisation led to the worldwide spread of mass culture with its centre in the USA and Western Europe. At present, the emotional and figurative filling of mass culture with destructive (toxic) emotions stimulates such manifestations of fear and anger as drug addiction, bullying and hustling. The transmission of toxic images through children's toys is particularly dangerous. The primitive and asymmetrical nature of the emotional spectrum that mass culture broadcasts through toys prevents the development of emotional intelligence at the age when this is the most important task (the first seven years of a child's life). A survey of parents in the cities of Novosibirsk (Russia) and Brest (Belarus) showed that most parents do not realise the importance of the emotional and imaginative content of toys and do not pay due attention to the emotions carried by toys. Parents are sure that the most important task of toys is the development of logical thinking and physical (bodily) development of the child, even to the detriment of the development of the emotional sphere. Parents also do not pay attention to the origin of images underlying the design of toys, as a result of which toys often carry aggressive and frightening images characteristic of products of Western film studios and computer games. It is concluded that to counteract the toxic influence of mass culture we need the combined efforts of researchers, experts and legislators.

Keywords: psychology; social psychology; emotions; emotional intelligence; mass culture; toxic images; opioid crisis; bullying; toys; emotional-imagery expertise.

For citation: Lidin K. L., Golovnya S. V., Belobrykina O. A. Toxic images of modern mass culture: family and school in an aggressive information environment. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 4, pp. 75–86. (In Russ.)

Введение. Крупнейшая в мире социологическая лаборатория «Институт Гэллага» недавно выпустила ежегодный аналитический отчет Gallup Global Emotions [14]. Как и каждый год, в 2023 г. Gallup опросил взрослых в 142 странах и регионах, были ли у них пять различных негативных переживаний за день до опроса, а затем, объединил результаты в интегральный индекс. В целом отмечено, что 2023 г. стал лучшим годом для эмоционального здоровья в мире: на глобальном уровне отрицательные эмоции снизились впервые с 2014 г. Тем не менее ситуация в целом остается напряженной. Четверо из десяти взрослых сказали, что испытывали *сильное беспокойство* (40 %), чуть более трети испытывали *сильный стресс* (37 %), а трое из десяти

испытывали *сильную физическую боль* (30 %). Более одного из четырех испытывали *грусть* (26 %) и чуть более одного из пяти *гнев* (22 %). В 2023 г. все отрицательные эмоции пошли на спад – и это хорошая новость. Однако плохая новость в том, что все они остаются выше, чем десятилетие назад.

Стресс снизился на три пункта в прошлом году до уровней, более типичных для периода до пандемии. Беспокойство и грусть снизились на один пункт, что также привело их в большее соответствие с ранними показателями. Процент взрослых во всем мире, которые испытывали боль, снизился на два пункта, а процент испытывающих гнев на один пункт.

Gallup объединяет ответы «да» на эти пять вопросов в индекс негативного опыта для каждой страны. В период с 2022 по 2023 гг. общий мировой балл снизился на два пункта до 31, что равно показателю 2019 г., но все еще выше, чем за все годы до этого. Из-за большой численности населения снижение оценок в Китае (на пять пунктов) и Индии (на четыре пункта) в 2023 г. влияет на глобальное снижение, но оно не объясняет его полностью. Без учета Китая и Индии индекс негативного опыта составил бы 32. Итак, можно сказать, что во всем мире, кроме Индии и Китая, сумма негативных переживаний оставалась на рекордно высоком уровне (рис. 1).

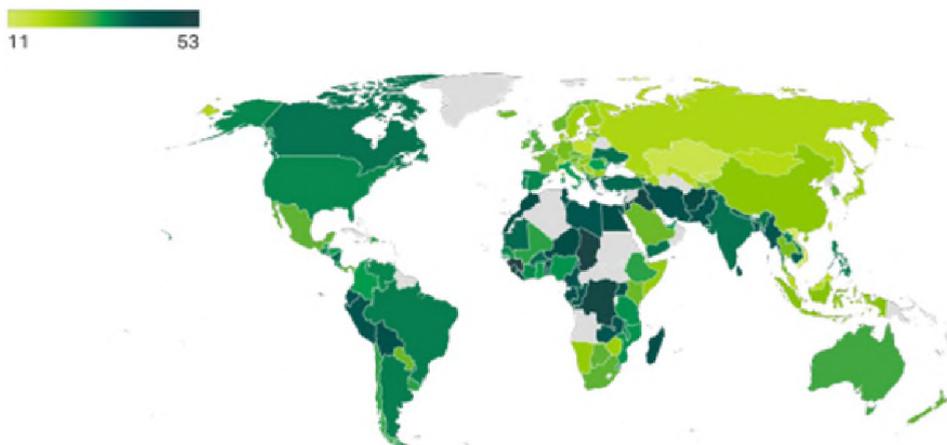

Рис. 1. Индекс негативных эмоций по странам мира (более темный цвет соответствует более интенсивным негативным переживаниям)

Удовлетворенность жизнью в большинстве регионов мира также снижается, особенно среди молодежи. Подробное исследование на эту тему также опубликовал Институт Гэллупа в другом, более объемном документе – ежегодном Всемирном докладе о счастье (World Happiness Report) [17].

Отрицательные тенденции, предшествовавшие эпохе COVID-19 (2006–2019), очевидны на Ближнем Востоке и в Северной Африке (MENA), Южной Азии, Северной Америке (Канада и США), Австралии, Новой Зеландии (ANZ) и Западной Европе (рис. 2). В последнем, несмотря на минимальное перекрытие 95 % доверительного интервала между оценками 2006 и 2019 гг., тенденция к снижению заметна при сравнении периодов 2006–2012 и 2013–2018 гг. Что касается тенденций после COVID-19 в этих регионах, уровни удовлетворенности жизнью в 2022 г. аналогичны 2019 г. во всех этих регионах, за исключением Западной Европы, где наблюдается явный спад. Небольшой размер выборки, приводящий к более крупным

95 % доверительным интервалам, может скрыть дальнейшее снижение в Северной Америке и ANZ.

Ни в одном из этих регионов нет гендерных различий, за исключением Северной Африки и Ближнего Востока (MENA), который является единственным регионом мира, где женщины постоянно демонстрируют более высокую удовлетворенность жизнью, чем мужчины на протяжении всей серии.

Ситуация в различных регионах мира неравномерна. Однако если повышенный уровень негативных эмоций в Южной Азии или Центральной Африке выглядит вполне закономерным, то обилие негативных эмоций в Северной Америке и Западной Европе кажется странным. Понятно, что регион, в котором располагаются Афганистан, Пакистан, Сирия, Израиль и другие страны, страдающие от многолетних горячих конфликтов, подвержен негативу. Но что заставляет богатые и влиятельные страны глобального Запада испытывать то же самое?

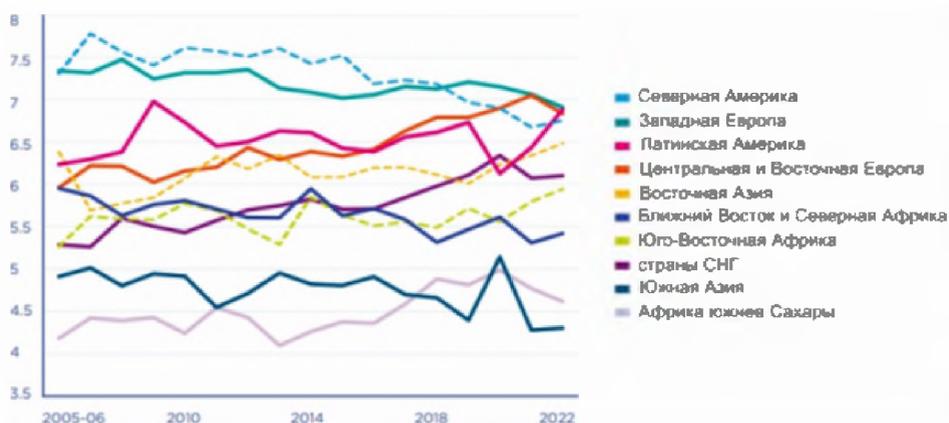

Рис. 2. Региональный уровень удовлетворенности жизнью среди молодежи (15–24 года) в период 2005–2023 гг.

На наш взгляд, причину эмоционального неблагополучия следует искать в том воздействии, которое оказывает массовая культура на личность каждого жителя глобального Запада.

Теоретическая часть. Теория массовой культуры насчитывает уже почти столетнюю историю своего развития. Начало исследований в этой области следует отнести к концу 20-х гг. XX в., когда Западная Европа впервые испытала мощное вторжение американского образа жизни – вслед за вторжением американского бизнеса в европейские страны, разоренные Первой мировой войной. Почти одновременно появились работы британского литературного критика Ф. Р. Ливиса (F. R. Leavis), остро критиковавшего американизацию англоязычной литературы и культуры в целом. По его мнению, пришедшая из-за океана массовая культура несет исключительно коммерческий характер и нацелена на массового потребителя. Соответственно запросам толпы массовая культура несет исключительно примитивный набор самых простых базовых эмоций – похоть, страх, гнев [19].

Примерно в те же годы выходят основные работы испанского мыслителя Х. Ортега-и-Гассетта, который пишет уже о возникновении особого типа «человека толпы», сформированного массовой культурой. Этот человек пронизан самодовольством, свое невежество и примитивные вкусы он считает признаками высокой

культуры, он презирает и боится действительно образованных и самостоятельно мыслящих людей, и поэтому охотно следует идеям национализма, тоталитаризма и антиинтеллектуализма [6]. Тревожные прогнозы Ортега-и-Гассетта сбылись в период победного шествия фашизма по Европе в 30-х гг., хотя многие из его наблюдений не потеряли актуальности и сегодня [16].

После Второй мировой войны во Франкфурте-на-Майне сложилась неомарксистская школа (Франкфуртская школа социологических исследований), которая обусловила новый этап в исследовании массовой культуры. В работах М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе и др. была раскрыта пропагандистская роль массовой культуры, которая формирует идеологию «общества потребления» и внушает людям идеалы неограниченного роста материальных потребностей при большей ограниченности и примитивизации сферы высших эмоций [7]. Публицистический пафос текстов Франкфуртской школы сформировал ее скандальную репутацию и острую критику ее положений со стороны официальной проамериканской пропаганды послевоенной ФРГ. Разумеется, они были объявлены «проводниками коммунистических идей» и просоветскими агентами. В какой-то момент философам этой школы приписывалась вина за все негативные процессы в западном социуме – от «сексуальной революции» до молодежных бунтов конца 1960-х гг. [10; 18].

Исследования массовой культуры продолжаются и сегодня, но ее эмоциональное содержание уже не пересматривается. Считается общепризнанным, что массовая культура транслирует только самый узкий набор простых эмоций – в первую очередь страха и гнева [13]. Каждый потребитель массовой культуры погружен в эту эмоциональную атмосферу, дышит ею и приспосабливается к ней. Начиная с детства, житель западного мира подвергается непрерывному воздействию потока образов, который формирует массовая культура. Эти образы несут идеи индивидуализма, тревожности и постоянной готовности к агрессивным проявлениям окружающей реальности.

Специалисты с тревогой пишут о росте наркомании в богатых странах Северной Америки и Западной Европы. Лидируют США, где быстрый рост потребления опиатов и их производных был зафиксирован в период военного присутствия в Афганистане и с тех пор не прекращался, так что это явление получило имя «опиатного кризиса». Согласно сообщениям американских врачей, с 1999 по 2020 гг. передозировка наркотиками стала причиной 1 013 852 смертей. За тот же срок коэффициент смертности вырос в 4,3 раза. Новая фаза опиатного кризиса связана с появлением фентанила и его производных – синтетических аналогов героина, гораздо более дешевых и сильнодействующих [15].

Рост смертности от передозировки опиоидов можно разделить на три отдельные волны. Первая волна обозначила старт кризиса как такового и началась с увеличения выписывания рецептов на опиоиды в 1990-х гг. Причиной этого стал неуправляемый рост стоимости медицинских услуг в интересах крупных фармацевтических компаний. Во всех случаях, когда болезнь требовала лечения, превышающего сумму медицинской страховки, врачи просто назначали больному болеутоляющие таблетки. Таким образом, «большая фарма» получила огромный рынок сбыта для препаратов опиоидного ряда, а миллионы человек попали в зависимость от этих лекарств. Количество смертей от передозировки рецептурными опиоидами (натуральными и полусинтетическими, метадоном) возросло примерно с 1999 г.

Вторая волна началась в 2010 г. с быстрым ростом числа смертей от передозировки героином. Значительная часть рынка героина была уже нелегальной, так что контроль за качеством продаваемых наркотиков отсутствовал. Поэтому заметная часть смертей была вызвана не передозировкой как таковой, а отравлением примесями к основному веществу.

Третья волна началась в 2013 г., когда значительно возросло количество смертей от передозировки синтетическими опиоидами, особенно с использованием незаконно изготовленного фентанила и аналогов фентанила (IMF). IMF переполнили нелегальный рынок наркотиков. Они часто встречаются в виде порошка или прессыются в поддельные таблетки и могут смешиваться с другими наркотиками. Надо заметить, что фентанил – это чрезвычайно сильнодействующий препарат, смертельная доза составляет меньше 3 мг (примерно 1/5 часть спичечной головки) [20].

Употребление наркотиков не противоречит установкам массовой культуры, поэтому все усилия по борьбе с наркоманией носят симптоматический и локальный характер. Массовая культура утверждает: передозировка – это плохо, но наркотики в целом – это хорошо! Как пишет авторитетный журнал «Ланцет», «Хотя это и похвально, большинство усилий правительства сосредоточены в основном на вторичной и третичной профилактике для предотвращения рецидивов, передозировок и смертей. К сожалению, органы общественного здравоохранения и политики по-прежнему неохотно отдают приоритет первичной профилактике для борьбы с употреблением наркотиков и опиоидным кризисом. Если мы не уделим достаточного внимания первичной профилактике, чтобы отговорить людей от использования опиоидов в качестве рекреационных наркотиков и от злоупотребления лекарственными опиоидами, мы не сможем победить растущий опиоидный кризис в нашем регионе и во всем мире» [22].

Как это выглядит в повседневной реальности: буллинг, кибербуллинг, шутинг. Поток образов, нагруженных эмоциями гнева и страха, который формирует массовая культура, находит свое проявление в росте различных форм повседневного насилия. Наиболее болезненно эта тенденция сказывается на наименее защищенных группах населения – в первую очередь на детях и подростках.

ЮНЕСКО предлагает следующую классификацию форм повседневного насилия (рис. 3):

Рис. 3. Формы повседневного насилия и их связи согласно классификации ЮНЕСКО

Наиболее распространенные формы школьного насилия показаны на рис. 4.

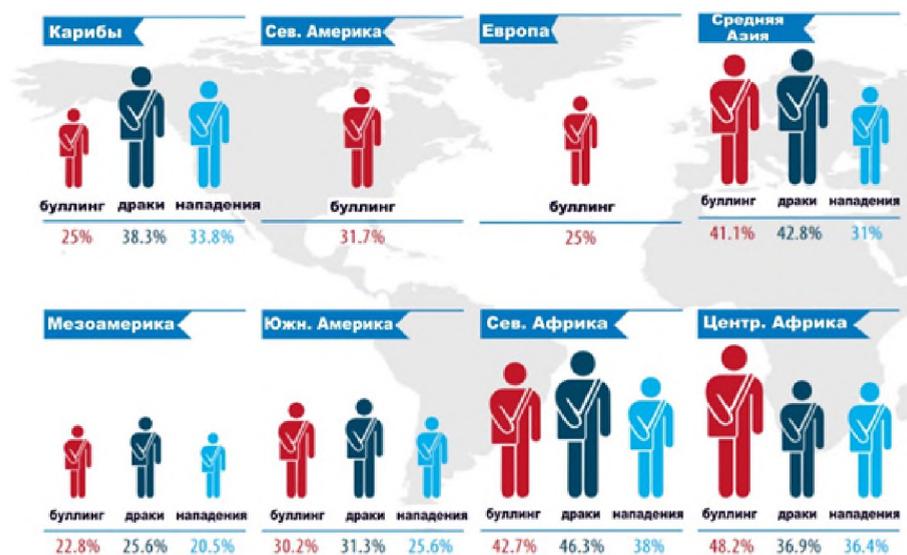

Рис. 4. Наиболее распространенные формы школьного насилия по данным ЮНЕСКО, 2019 г.

Наиболее распространенной формой школьного насилия является травля (буллинг), которая соединяет физическое и психологическое насилие [11].

Из данных опроса может показаться, что в богатых странах Организации экономического сотрудничества и развития проблема выглядит не так остро. Физические формы насилия встречаются гораздо реже (они даже не попали на диаграмму), да и травля выглядит более редким явлением, но это иллюзия. В регионах, где охват населения интернетом близок к 100 %, травля переносится в киберпространство и существует в виде кибербуллинга.

Кибербуллинг в настоящее время более распространен в США, чем школьная травля. Показатели школьной травли резко снизились во время пандемии, в то время как показатели кибербуллинга увеличились. Эта тенденция пока не изменилась. Публикация оскорбительных и обидных комментариев является наиболее распространенной формой кибербуллинга. По данным общественной организации по борьбе с кибербуллингом в США, 26,5 % американских подростков подвергались кибербуллингу в течение последних 30 дней. 73% девушек и молодых женщин получали нежелательный сексуальный контент. Учащиеся средних школ, ставшие жертвами кибербуллинга, почти на 135% чаще думают о самоубийстве и планируют его, чем те, кто не является жертвой, 48% взрослых американцев считают, что домогательства являются серьезной проблемой в социальных сетях [21].

Наиболее страшная форма, которую принимает волна страха и гнева, это массовые расстрелы (шутинг) случайных жертв, в том числе в школах и университетах.

По данным службы CNN, только за 2023 г. произошло 465 случаев массового расстрела, 450 человек были убиты, а 2025 – ранены (данные на 17 ноября 2024 г.). Частота подобных происшествий растет год от года. Массовые расстрелы в школах также становятся все чаще. Средний возраст стрелка – 16 лет, жертвами чаще всего становятся одноклассники, учителя и случайные свидетели расправы [12].

Таким образом, массовая культура создает атмосферу страха и агрессии, в которую люди оказываются погружены с самого детства. Фактически массовая культура – это поток образов, нагруженных эмоциями группы «страх» и «гнев», которые направлены на разрушение как социальных структур, так и структуры личности. Достаточно посмотреть на список наиболее популярных (культовых) фильмов за последние десятилетия, например «Матрица», «Властелин колец», «Терминатор», «Крестный отец» и т. д. – сюжеты всех этих фильмов развиваются в атмосфере смертельных опасностей, вражды и ненависти.

Игрушки – носители образов массовой культуры. Насколько повседневная реальность России и Белоруссии подвержена влиянию западной массовой культуры? Есть ли пути и способы избежать влияния потока токсичных образов, который, кажется, захватил весь мир?

Как показали вышеперечисленные исследования, отравление токсичными образами начинается в раннем детстве, так что уже к подростковому возрасту психика приспособляется к этой ядовитой атмосфере и начинает воспринимать ее как норму. Поэтому основным объектом нашего исследования стал рынок игрушек, предлагаемых в г. Новосибирске (Россия) и Бресте (Белоруссия), а также отношение к игрушкам со стороны родителей. Общий объем выборки составил 200 респондентов в г. Бресте и 188 респондентов в г. Новосибирске. Исследование проводилось в августе–октябре 2024 г.

Средний возраст родителей, участвовавших в опросе, составил 35,4 года в Новосибирске и 36,3 в Бресте. Средний возраст детей составил 4,5 лет (Новосибирск) и 6,3 (Брест). Таким образом, видно, что в среднем опрошенные родители обзаводились детьми после 30 лет, в возрасте, который считается вполне зрелым.

Некоторые из полученных данных, однако, заставляют в этом сомневаться. Так, на вопрос о том, какие игрушки больше всего нужны детям, были даны ответы, показанные на рис. 5.

Рис. 5. Диаграммы распределения вариантов ответов на вопрос «Какие игрушки, по вашему мнению, нужны детям?» (слева показаны ответы родителей из Новосибирска, справа – из Бреста (у респондентов была возможность выбрать несколько ответов, поэтому сумма процентов превышает 100))

Как видно из рис., по мнению родителей наиболее нужными являются логические игрушки, направленные на развитие интеллекта. Несколько уступают им игрушки, направленные на развитие телесных навыков (двигательной активности),

а на третьем месте находятся игрушки, изображающие фигурки популярных персонажей их мультфильмов и кинофильмов.

Заметим, что такое мнение находится в прямом противоречии с рекомендациями детских психологов. В частности, именно в возрасте до 7 лет крайне важно развитие не логического мышления, а эмоционального интеллекта. Абстрактное мышление продолжает развиваться и в более позднем возрасте, но недоработки в развитии эмоциональной сферы в первое семилетие жизни ребенка могут принести непоправимый ущерб развитию личности в целом [1; 4].

Тревогу вызывает также популярность игрушек-фигурок. Не секрет, что в подавляющем большинстве случаев такие фигурки изображают персонажей из фильмов студии Дисней или Нетфликс – агрессивных супергероев, самовлюбленных принцесс или трансгуманистических монстров [2; 3].

Далее показаны ответы родителей на вопрос «Что именно в игрушках вызывает вашу положительную либо отрицательную реакцию?» (рис. 6).

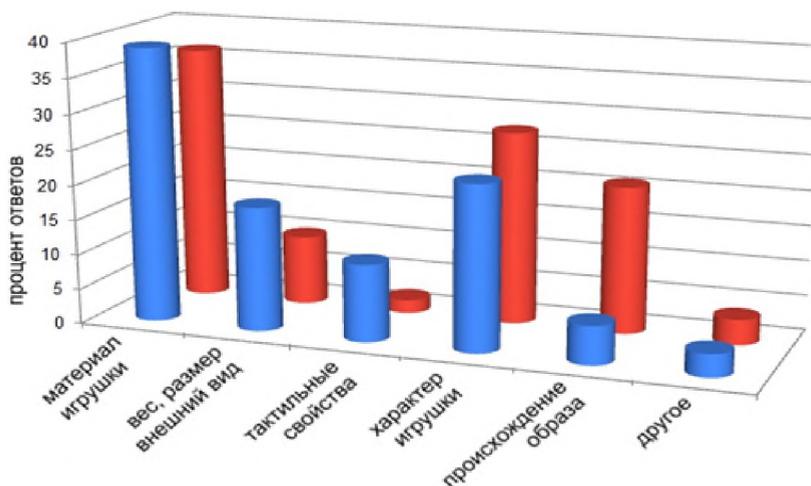

Рис. 6. Диаграмма распределения вариантов ответов на вопрос о том, что именно вызывает реакцию родителей на игрушку (синим цветом показаны ответы родителей из Новосибирска, красным – из Бреста)

Как видно из рис., наибольшее внимание родителей привлекает материал, из которого сделана игрушка. Это выглядит не очень обоснованным, т. к. именно материалы игрушек подвергаются более внимательному и подробному контролю со стороны органов охраны прав потребителя. Строгие требования санитарных норм и правил (СанПиН) в отношении игрушек были введены в России еще в 90-х гг. прошлого века [8], а в Белоруссии – в начале 2000-х гг. [9]. Между тем происхождение образа игрушки (из западной массовой культуры, отечественной культуры, традиционной культуры и т. д.) привлекает гораздо меньше внимания родителей.

Выводы. Полученные данные заставляют сделать вывод о том, что большинство родителей не видят опасности в том воздействии западной массовой культуры, которое она оказывает на детей через игрушки [5]. Возможно, родители и сами выросли в атмосфере влияния этой токсичной культуры, так что теперь воспринимают ее как норму. В любом случае без разъяснительной и консультационной работы

специалистов нельзя представить себе успешное противодействие болезненному воздействию массовой культуры на подрастающее поколение.

Противодействие токсичной среде массовой культуры требует целого комплекса навыков. Нельзя надеяться, что большинство родителей, педагогов или тем более детей самостоятельно выработают эти навыки.

Первым шагом в борьбе с проблемой является признание ее существования. Затем появится основа для накопления практических примеров и конкретных случаев. И только тогда будет создана надежная основа для наработки инструментов и примеров, которые можно рекомендовать в массовом порядке. Все это нужно делать уже сейчас.

Список источников

1. Белобрыкина О. А. Особенности эмоционального развития дошкольников в современных условиях // Смальта. – 2016. – № 1. – С. 9–15.
2. Белобрыкина О. А., Лидин К. Л. Эмоциональное содержание современных детских игрушек // Современное дошкольное образование. – 2024. – № 2(122). – С. 48–59. DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-4519-2024-2122-48-59>
3. Белобрыкина О. А., Лидин К. Л. Современная игрушка и образ будущего // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2024. – Т. 9, № 2(34). – С. 6–39. DOI: [10.38098/ipran.sep_2024_34_2_01](https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2024_34_2_01)
4. Готтман Дж. Эмоциональный интеллект ребенка. – М.: МИФ, 2024. – 296 с.
5. Лидин К. Л., Белобрыкина О. А. Игрушка, китч и общество потребления // Проект Байкал. – 2024. – Т. 21, № 81. – С. 183–186. DOI: [10.51461/issn.2309-3072/81.2408](https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/81.2408)
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 211 с.
7. Шапинская Е. Н. Массовая культура: теории и практики. – М.: Согласие, 2017. – 157 с.
8. СанПиН 2.4.7.007-93. Производство и реализация игр и игрушек. Санитарные правила и нормы (утв. Постановлением Госкомсанэпиднадзора РФ от 12.08.1993 № 9) (ред. от 19.12.2005, с изм. от 28.10.2010) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97813/ (дата обращения: 04.11.2024).
9. СанПин «Гигиенические требования безопасности к отдельным видам продукции для детей, их производству и реализации», утвержденные постановлением МЗ Республики Беларусь от 14 ноября 2011 г. № 114 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mosk.minsk.gov.by/bezopasnost/12246-20220919-o-gigienicheskikh-trebovaniyakh> (дата обращения: 01.12.2024).
10. Стюарт Дж. Гранд-отель Бездна. Биография Франкфуртской школы. – М.: Ад Маргинем, 2018. – 448 с.
11. Behind the numbers. Ending school violence and bullying. – Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2019. – 71 p.
12. Boschma J., Merrill C., Murphy-Teixidor J. Mass Shootings in the US Fast Facts (September 17, 2024) [Электронный ресурс]. – URL: <https://edition.cnn.com/us/mass-shootings-fast-facts/index.html> (дата обращения: 01.12.2024).
13. Daube J. American Scary: A History of Horror, from Salem to Stephen King and Beyond. – New York: Algonquin Books, 2024. – 480 p.
14. Gallup Global Emotions 2024. – Washington: Gallup, 2024. – 19 p.
15. Ghaddar T. Evolving Trends in US Mortality from Opioid Overdose: Heroin and Beyond // The American Journal of Medicine. – 2023. – Vol. 136, iss. 12. – P. 1211–1215.
16. Gonzalez P. B. Ortega's The Revolt of the Masses and the Triumph of the New Man. – New York: Algora Publishing, 2007. – 196 p.
17. Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D. World Happiness Report 2024. – England: Wellbeing Research Centre, 2024. – 158 p.

18. Jay M. Dialectic of Counter-Enlightenment: The Frankfurt School as Scapegoat of the Lunatic Fringe // *Salmagundi*. – 2010. – Vol. 168/169. – P. 30–40.
19. Leavis F. R., Thompson D. Culture and Environment: The Training of Critical Awareness. – California: Praeger, 1977. – 150 p.
20. Opioid crisis: addiction, over prescription, and insufficient primary prevention // *The Lancet Regional Health – Americas*. – Vol. 23.
21. Patchin J. W. Cyberbullying Continues to Rise among Youth in the United States [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberbullying.org/cyberbullying-continues-to-rise-among-youth-in-the-united-states-2023> (дата обращения: 28.11.2024).
22. Understanding the Opioid Overdose Epidemic [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cdc.gov/overdose-prevention/about/understanding-the-opioid-overdose-epidemic.html> (дата обращения: 28.11.2024).

References

1. Belobrykina O. A. Features of emotional development of preschool children in modern conditions. *Smalta*, 2016, no. 1, pp. 9–15. (In Russian)
2. Belobrykina O. A., Lidin K. L. Emotional content of modern children's toys. *Modern preschool education*, 2024, no. 2(122), pp. 48–59. DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-4519-2024-2122-48-59> (In Russian)
3. Belobrykina O. A., Lidin K. L. Contemporary toy and image of the future. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2024, vol. 9, no. 2(34), pp. 6–39. DOI: 10.38098/ipran.sep_2024_34_2_01 (In Russian)
4. Gottman J. Emotional intelligence of a child. Moscow: MIF, 2024, 296 p. (In Russian)
5. Lidin K. L., Belobrykina O. A. The toy, kitsch and consumer society. *Project Baikal*, 2024, vol. 21, no. 81, pp. 183–186. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/81.2408 (In Russian)
6. Ortega y Gasset H. Revolt of the Masses. Moscow: AST, 2002, 211 p. (In Russian)
7. Shapinskaya E. N. Mass culture: theories and practices. Moscow: Consent, 2017, 157 p. (In Russian)
8. SanPiN 2.4.7.007-93. Production and sale of games and toys. Sanitary rules and regulations (approved by Resolution of the State Committee for Sanitary and Epidemiological Supervision of the Russian Federation dated August 12, 1993 No. 9) (as amended on December 19, 2005, as amended on October 28, 2010) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97813/ (date of access: 04.11.2024). (In Russian)
9. SanPiN “Hygienic safety requirements for certain types of products for children, their production and sale”, approved by the Resolution of the Ministry of Health of the Republic of Belarus dated November 14, 2011 No. 114 [Electronic resource]. URL: <https://mosk.minsk.gov.by/bezopasnost/12246-20220919-o-gigienicheskikh-trebovaniyakh> (date of access: 01.12.2024). (In Russian)
10. Stuart J. Grand Hotel Abyss. Biography of the Frankfurt School. Moscow: Ad Marginem, 2018, 448 p. (In Russian)
11. Behind the numbers. Ending school violence and bullying. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2019, 71 p.
12. Boschma J., Merrill C., Murphy-Teixidor J. Mass Shootings in the US Fast Facts (September 17, 2024) [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/us/mass-shootings-fast-facts/index.html> (date of access: 01.12.2024).
13. Daube J. American Scary: A History of Horror, from Salem to Stephen King and Beyond. New York: Algonquin Books, 2024, 480 p.
14. Gallup Global Emotions 2024. Washington: Gallup, 2024, 19 p.
15. Ghaddar T. Evolving Trends in US Mortality from Opioid Overdose: Heroin and Beyond. *The American Journal of Medicine*, 2023, vol. 136, iss. 12, pp. 1211–1215.

16. Gonzalez P. B. *Ortega's The Revolt of the Masses and the Triumph of the New Man*. New York: Algora Publishing, 2007, 196 p.
17. Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D. *World Happiness Report 2024*. England: Wellbeing Research Centre, 2024, 158 p.
18. Jay M. Dialectic of Counter-Enlightenment: The Frankfurt School as Scapegoat of the Lunatic Fringe. *Salmagundi*, 2010, vol. 168/169, pp. 30–40.
19. Leavis F. R., Thompson D. *Culture and Environment: The Training of Critical Awareness*. California: Praeger, 1977, 150 p.
20. Opioid crisis: addiction, over prescription, and insufficient primary prevention. *The Lancet Regional Health – Americas*, vol. 23.
21. Patchin J. W. Cyberbullying Continues to Rise among Youth in the United States [Electronic resource]. URL: <https://cyberbullying.org/cyberbullying-continues-to-rise-among-youth-in-the-united-states-2023> (date of access: 28.11.2024).
22. Understanding the Opioid Overdose Epidemic [Electronic resource]. URL: <https://www.cdc.gov/overdose-prevention/about/understanding-the-opioid-overdose-epidemic.html> (date of access: 28.11.2024).

Информация об авторах

К. Л. Лидин – кандидат технических наук, доцент, редактор журнала «Проект Байкал», г. Минск, Республика Беларусь, <https://orcid.org/0000-0001-7022-6871>, lidinkl@mail.ru

С. В. Головня – преподаватель факультета психологии, Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Брест, Республика Беларусь, sveta.golownia@mail.ru

О. А. Белобрыкина – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0407-6208>, belobr@mail.ru

Information about the authors

K. L. Lidin – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, editor of the journal “Project Baikal”, Minsk, Republic of Belarus, <https://orcid.org/0000-0001-7022-6871>, lidinkl@mail.ru

S. V. Golovnya – Lecturer at the Faculty of Psychology, Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Republic of Belarus, sveta.golownia@mail.ru

O. A. Belobrykina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0407-6208>, belobr@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

